

**Александр Белов
(Селидор)**

ИГРА

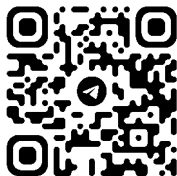

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2025

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6
С29

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Селидор (Белов, А.)

С29 Игра. — М.: Тотенбург, 2025. — 240 с.

Гениальный менталист Юрий Ригель, способный проникать в мысли людей, сталкивается с загадочной игрой в перстни, где ставкой становятся человеческие судьбы. Создатель игры, Вольдемар Потапов, циничный ювелир с травмированной душой, убеждён: человек живёт лишь для себя. Их противостояние — это битва двух мировоззрений, где оружием служат чужие страхи, несбывшиеся мечты и тёмные тайны.

Но когда игра приводит к первой смерти, Ригель понимает: чтобы остановить зло, ему придётся расширить представление о жизни и разуме и даже научиться взаимодействовать с мёртвыми.

Удивительно, но прототип героя — наш современник, чьи уникальные способности привлекли внимание исследователей по всему миру, а японские документалисты даже посвятили ему два фильма.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Александр Белов (Селидор)

© Издательство «Тотенбург», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1. ИГРА В ПЕРСТНИ.....	3
ГЛАВА 2. МАРГАРИТА НАВАРРСКАЯ	17
ГЛАВА 3. СРЕДА — СЕРЕДИНА НЕДЕЛИ	25
ГЛАВА 4. ПАУК РАССТАВЛЯЕТ СЕТИ	38
ГЛАВА 5. К ИГРЕ, ГОСПОДА!	51
ГЛАВА 6. ВЕЗЕНИЕ НАЧАЛОСЬ.....	61
ГЛАВА 7. ЕЩЁ ОДИН ИГРОК	75
ГЛАВА 8. АРТИСТАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ	89
ГЛАВА 9. АЛМАЗ БАХРЕЙНСКОГО СУЛТАНА	98
ГЛАВА 10. РОКОВАЯ ПРОПАЖА	108
ГЛАВА 11. ПЕРСТНИ НАПОМНИЛИ О СЕБЕ.....	118
ГЛАВА 12. ЛОВЛЯ ВЛЮБЛЁННЫХ ФИЗИКОВ.....	127
ГЛАВА 13. ШОКОЛАД И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ДУШИ	136
ГЛАВА 14. ПРЕВРАТНОСТИ ТАЙСКОГО МАССАЖА.....	146
ГЛАВА 15. ПОЕДИНОК НАЧИНАЕТСЯ.....	157
ГЛАВА 16. РИГЕЛЬ ЗНАКОМИТСЯ С ХУДОЖНИКОМ	166
ГЛАВА 17. МЁРТВЫЕ ТОЖЕ ГОВОРЯТ.....	175
ГЛАВА 18. ПЕРВАЯ ЖЕРТВА ИГРЫ	183
ГЛАВА 19. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕНИЯ С МЁРТВЫМИ.....	196
ГЛАВА 20. РАЗВЯЗКА БЛИЗКА	211
ГЛАВА 21. ...И ПОСЛЕДНЯЯ	220
<hr/>	
ЗНАЧЕНИЯ ПЕРСТНЕЙ И ПРАВИЛА ИГРЫ.....	231

ГЛАВА 1

ИГРА В ПЕРСТНИ

Этот тюлень рядом с привлекательной брюнеткой зовётся Мишú. Вот так. Ни какой-нибудь Мишель или Майкл, а Мишú. Ну «француз», ни дать ни взять! Вообще-то он Михаил Альметьевич Гальперин. Интересное у него отчество — Альметьевич. Его папаше явно не повезло с именем. Интересно, как его звали: Альмет, Альметио или Альметий?

А она, брюнетка, — Марго. Конечно, имя довольно затасканное, но ей идёт. Наверное, нет ни одной Маргариты, которую бы ни удостоили таким сокращением. Это, по-моему, уже не имя, а кличка. Но ей идёт! Посмотрите — ярко-синие глаза и волосы в цвет кафедрально-тёмного дуба, а в лице есть что-то от древнегерманской валькирии. Только чуть более смуглое, чем у крылатой германской девы из мифологии. Но очень выразительное! Интересно, где летают такие валькирии, а главное — отчего они кружат над не самыми благополучными и надёжными мальчиками?

Пара приходит всегда вместе, и Мишú трётся возле неё как залюбленный домашний котик. Он выглядит тяжеловато и устало, но породисто и отлично. Типичная интеллигенция из московских многокомнатных квартир. Это не черёмушкинские хрущёвки с их духовной теснотой. Квартиры с высокими потолками когда-то получали деятели из советского руководящего звена или из культурно-научной тусовки. Наверное, там и отметился Альметий, а может — мамочка Гальперина. Такое тоже бывало.

Пожалуй, это самая яркая пара в нашем клубе.

Игроков всегда четверо. Они приходят по своим дням, разбирают перстни, а поскольку камни после игры сутки отдыхают, то и в неделю сессий бывает только три. Легко сосчитать — получается двенадцать человек. Если кто-то пропускает игру, его охотно подменяют другие, с этим проблем обычно не возникает. Главное — вовремя предупредить хозяина, что не придёшь.

Ставки в игре не высоки — всего десять тысяч. Выиграть ничего нельзя, кроме предречения. Всё остальное — азарт. Лучший выигрыш — когда выпадают три перстня: алмазный, бриллиантовый, сапфировый или рубиновый. Такая комбинация называется триумвират. На стене в игровом зале висят два портрета чемпионов. Им случилось повторить триумвират. Только у двоих за всю историю клуба, то есть за десять лет. Такое повторение трудно назвать просто случайностью, пожалуй, это действительно повеление судьбы.

Мишú всегда записывает комбинацию перстней в пухлый органайзер из какой-то причудливой и, разумеется, натуральной кожи. И ручка у него чернильная, с золотым вензелем. Уже лет сорок не видел чернильных ручек. Но на деле Мишú просто красуется. Все знают, что у него нет ни денег, ни дела, ни особых стремлений. Живёт он переводами с арабского разных договоров и сложных юридических текстов.

В игре ему везёт. Однажды выпал бриллиантовый перстень в хорошем сочетании. Ей, спутнице Мишú, везёт куда меньше. Складывается впечатление, что Марго подбирает крошки с его стола. Она очень яркая: чуть выше его ростом, идеально сложена и всегда держит спину. Осанка королевы! Но заметно, что Марго — классический «второй номер», и её это раздражает. Она всего лишь свита Михаила Альметьевича, в кото-

рой не достаёт двух Букингемских гвардейцев и статс-секретаря с пластилиновой шеей. Мишú играет роль такой персоны, ничуть не меньше.

Третий в их компании — Рацкий. Трудно жить с подобной фамилией, да ещё с именем Глеб. Как парня только не называли. «Хлеб дурацкий» — самое привычное его прозвище. Вообще-то он ничего. Молчаливый, спокойный, без снобизма, без гаденьких привычек. В клубе прижилось его прозвище «Хлебыч». Он вроде не обижается.

Хлебыч — композитор, сочиняет музыку для симфонического оркестра. Не пойму, кто сейчас ходит в филармонию, чтобы послушать какую-нибудь современную кантату си бемоль мажор? Но Хлебыч справляется, выкручивается как-то.

Четвёртым играет Штильман, он стоматолог и каждый раз, здороваясь, сперва смотрит вам в рот, а потом — в глаза. Рука у него тонкая и всегда влажная, так что пожимать её избегает даже услужливый композитор, который всегда держит голову чуть наклонённой вперёд и едва приметно улыбается.

Главный персонаж на игре — наш чипер Вольдемар Иннокентьевич. Ему тоже дали прозвище, перевернув отношение имени к отчеству. Так он превратился в Инока Волю. Инок — это сокращение от Иннокентий, а Воля — от Вольдемара.

Иннокентьевич, конечно, стоит не просто на раздаче фишек, как чипер в казино. Он здесь хозяин игры, её творец и вдохновитель. Уж совсем не инок, да и с волей у него есть проблемы, если приглядеться.

Мне кажется, выдумывает все эти прозвища типчик, который приходит в клуб по средам. Его зовут Витюша. Он единственный переиграл во всех компаниях и очень быстро сошёлся со всеми игроками клуба.

Так вот про Вольдемара Иннокентьевича говорят, что однажды зимой в сугробе он нашёл два перстня. Один — с крупным алмазом, как потом выяснилось, очень дорогим, зато другой совершенно никакущий — с обработанным антрацитом. Это просто уголь. Странно, не правда ли? Кому понадобилось обрабатывать антрацит и загонять в дорогую оправу? Но об этой истории знают далеко не все. Пересказывать её здесь не принято.

После удивительной находки у Вольдемара возникла идея создания игры в перстни. По образу той, которой развлекали себя древние персидские цари.

Он стал чипером в созданном им клубе. Чипер в казино разбирает фишки по цвету или номиналу и такует карты. Это для тех, кто не знает.

Ну вот, теперь настало время рассказать и о самой игре. Суть игры была в триадах. Игроки по очереди получали перстни, называя один из трёх «игровых» пальцев:

Указательный — Утверждение, то, что человек жаждет.

Безымянный — Опровержение, что отрицает.

Средний — Определение, что ему суждено.

Всего перстней тринадцать. Не знаю как для кого, а для меня это число вполне благополучное. Кто-то называет его чёртовой дюжиной, но я отношусь к нему без предрассудков. Тринадцатым идёт тот самый Антрацитовый перстень Смерти. Так назвал его Инок Воля. Это самый плохой из перстней. Каждый перстень имеет своё значение.

Судьбу вершила логика триады. Можно было жаждать богатства, но на глубинном уровне отвергать

его — и тогда палец Определения выносил вердикт. Алмазный перстень мог блокировать действие Антрацитового, а выпавшая пустая коробочка разрушала всё предсказание.

Теперь о том, как перстни оказываются на твоих пальцах. За столом для игры четверо игроков. Чипер сидит в кресле и держит перед собой на столе шкатулку для перстней. Он выкликает: «Для кого?» Первый, кто поднимет руку, получает перстень. Он сразу должен заявить, ещё до объявления перстня, на какой палец его помещает. В любом случае надо заполнить триаду, так что палец Опровержения всё равно придёт-ся называть. Без этого не получится игры.

Никакой суматохи нет, всё происходит медленно и чинно. Женщине обычно уступают первый ход; правда, Марго всегда отказывается от своего гендерного преимущества.

Доставляет перстень до игрока крупье. На этой роли у Инока Воли жена. Игроки про себя зовут её почему-то Чиполлино. Наверное, тоже Витюша постарался. Думаю, прозвище пристало к ней от того, что у неё всегда волосы собраны в пучок на макушке. Похоже на луковицу.

Это ещё не всё. Если вам вдруг выпал Алмазный перстень, не важно на какой палец, вы можете заявить, что остальные возьмёте «своей рукой». Чипер обязан предоставить такую возможность. Обычно игроки так не делают, но по правилам вы имеете на это право. Что-то вроде особого случая. Другими словами, игрок отправляется за перстнем к чиперу сам.

Все перстни в шкатулке помещены в абсолютно одинаковые деревянные коробочки, так что подобрать перстень на ощупь по форме камня, например из корыстных мотивов, чипер не может. Все коробочки после

игры меняются местами, и запомнить, где что лежит, невозможно. К тому же размещает коробочки чипер с ритуальной повязкой на глазах. Чтобы не было обмана.

И последнее. Есть ещё три коробочки-пустышки. Три против тринадцати с перстнями. На прошлой сессии Мишú скинул себе на палец Определения Антрацитовый перстень, на палец Опровержения — Рубиновый, а на палец Утверждения... пустую коробочку. Рокковая триада не сошлась! Ведь получался смысл, что любовь толкает его к смерти. Опровергнуть это ни одним перстнем было уже невозможно. Видели бы вы его лицо. Думаю, за такими эмоциями он сюда и ходит.

Марго, как всегда, если верить выпавшим перстням, должны были «обокрасть», она теряла богатство и власть и утверждала, что является здоровой, утверждала полное физическое совершенство. Потому что Перстень с топазом выпал ей на Определение, а на указательный её пальчик вспорхнул Чёрный агат. Очень хорошее сочетание. Если бы не Бриллиантовый, который она заявила на Опровержение. Но здоровье — тоже богатство, да ещё какое! Только вот при таком раскладе Марго не очень спешит стать мамой, хотя здоровье позволяет. Насколько я знаю, детей у них с Мишú нет. Но подробности своих отношений наши голубки на показ не выставляют.

Что выпало Хлебычу, уже не помню, а стоматолог опровергал Серпентиновый перстень лжи и предательства, утверждал через Александритовый перстень свою свободу и определял для себя мудрость и благородство. Сложное сочетание. И с малой практической пользой.

Он странный, этот Рудольф Штильман. Тихо любит Серпентиновый перстень. Кому такое в голову придёт? Рудик однажды деликатно заметил, что в Древнем Риме серпентиновыми камнями лечили. Если у челове-

ка начиналась болезнь, то серпентин, который носили на груди как украшение, начинал нагреваться и буквально обжигал кожу. Инок Воля на это скривил губы и только уточнил невпопад:

— Это — офитовый серпентин.

На сегодняшнюю сессию Штильман шёл как-то обречённо и совсем неохотно. Даже подумал, что есть смысл позвонить, придумать обстоятельства и отказаться от игры. В таких случаях чипер удаляет перед сессией три любые коробочки из шкатулки. Для трёх человек игра состоится, но если не приходят двое, то уже — нет. Чипер теряет свои деньги, а никто не любит терять деньги, и потому игроки обычно не злоупотребляют отказами. Чтобы не потерять место в клубе. Но если ты отказываешься от игры заранее, то обязательно найдётся тот, кто придёт на твоё место из другой сессии. Люди верят силе камней.

Сверки огненных молний полосовали небо. Где-то на юге, должно быть, в районе Варшавки. Возле кондитерской парковался Хлебыч. Ещё издали Штильман заметил его скромный «Опель». Парковка здесь дорогая, и Хлебычу придётся выложить денежки часа за два стояния. Москва сильно изменилась. Теперь в центре оставлять машины могут только очень состоятельные люди. Да и то, если повезёт найти место. Этот город становится доступным лишь для богатых.

Хлебыч сунул врачу руку для поздоровочки и сказал:

— Марго сегодня не придёт. Они вроде поссорились с Мишей.

— Откуда ты знаешь? — спросил Штильман, понимая, что отвязаться от игры уже не получится.

— Я говорил с ним час назад. Миша подбирает для меня в музее Глинки отдельные части из партитуры оперы Кавальери, — ответил Хлебыч.

— Да? Он на такое способен? — спросил Рудик с искренним удивлением.

— Вполне. Миша музыкально грамотен. И у него отличное симфоническое мышление.

Штильман перевёл тему разговора на обсуждение Марго, но этот вектор Хлебыч не поддержал, и дальше они пошли молча.

В игровом зале был полумрак. Инок Воля давал свет на стол только в игре. Света было много, потому что камни раскрывались лишь при его обилии.

Чиполлино трудилась над кофе. Она подавала его в мейсенском фарфоре с ванилью, кардамоном или корицей. К кофе сегодня полагались вафли с фруктовой начинкой — изумительный продукт кулинарного творчества хозяйки дома. Штильман в очередной раз подумал, зачем этой странной паре — Вольдемару Иннокентьевичу и Элеоноре Аркадьевне — понадобилось такое развлечение? Это про их клуб. Чтобы спастись от скуки? Детей у них не было, интернет они не признавали, а библиотека уже вся была перечитана.

Однако чипер призвал игроков к столу, позвонив в серебряный колокольчик. Мишú умыкнул ещё одну вафлю, а потом и ещё одну. Он ест их как хлеб, совершенно не понимая их изыск. Он совсем не гурмэ, наш подручный непризнанных симфонических гениев.

Игроки вошли в зал. Инок Воля уже сидел в старом кресле с высокой спинкой. На нём, как всегда, был сюртук с глухим воротом. Старик любил ритуалы. Он открывал и вёл игру в этом сюртуке даже в тридцати-

градусную жару. Причём кондеев у них дома не было. Интересно, как с этим справляется его сердце?

Когда все расселись за столом, Чиполлино принесла ему палисандровую шкатулку. Чипер надел шёлковые перчатки и извлёк из шкатулки поочерёдно три коробочки. Он положил их на поднос, и Чиполлино унесла его в соседнюю комнату. Там была их спальня. Должно быть, для ритуала одной комнаты не хватало.

Так как Марго символически сегодня выпадала из игры, эти три коробочки, предположительно, доставались ей.

Мишú достал органайзер и положил его на чёрный бархат стола возле себя. Хлебыч поправил беспорядок носа идеально выглаженным платком. Все посмотрели на чипера.

— Для кого, господа? — наконец спросил ведущий.

Все молчали.

— Вы разрешите? — вдруг манерно спросил Мишú. — С вашего позволения, для меня.

Он небрежно поднял руку, и зубной доктор с Хлебычем почему-то взглянули друг на друга.

— На какой палец? — спросил Инок Воля.

— Давайте сразу на Определение.

Чипер запустил руку в шкатулку и извлёк коробочку. Потом показал её всем и, наконец, раскрыл.

— Пусто! — торжественно объявил ведущий.

— Ах! — вырвалось у Мишú. Его игра была закончена.

— Триада разрушена, — многозначительно сказал Инок Воля. Это было и без того очевидно, однако правила требовали такого пояснения.

Мишú встал из-за стола — в его случае это предусматривалось условиями игры, и переместился на кухню. Поближе к вафлям.

— Для кого? — снова спросил чипер.

Игроки посмотрели друг на друга. Рудик уступал Хлебычу ход.

— Для меня, — ответил тот.

— На какой палец?

— На Опровержение, — сказал композитор негромко.

Он всегда ходит с Опровержения. Хлебыч хочет сразу решить все дела с негативом, будто это может как-то повлиять на конечный результат. Такая у него тактика.

В шкатулке на одну пустышку стало меньше, значит, процент каменной драмы чуть-чуть увеличивался.

Чипер извлёк коробочку, осторожно раскрыл. Игроки замерли.

— Перстень с Огненным опалом! — провозгласил ведущий.

— Да! — вырвалось у Хлебыча. — Я так и знал!

Это означало, что неприятности и беды, которые предвещал этот перстень, композитор обходит стороной.

— Что ж, очень хорошо, — отметил Инок Воля.

Дальше шла очередь Штильмана. Ведущий мог и не спрашивать. Рудик небрежно вскинул ладонь.

— На какой палец? — спросил чипер.

— На Определение, — сказал доктор с небольшим сомнением.

Старик вытащил коробочку. Штильман увидел лицо Чиполлино. Она была в таком напряжении, будто сейчас решалась её судьба.

— С Чёрным турмалином! — заявил ведущий.

Ну вот, интрига началась. Что-то гаденькое возникло в неопределённости, но довольно решительно. Этот перстень на среднем пальце означал не просто близость какой-то непредвиденной неприятности, а полное крушение успеха. Чёрный турмалин на Опре-

делении есть фатальный символ неудачника, признак твоей бесполезности.

Чипер положил коробочку на поднос, и Чиполлино послушно доставила её зубному лекарю. Тот взял перстень. Надевать его необязательно. К тому же на среднем пальце Рудика перстень не выглядел бы убедительно, потому что у Штильмана пальчики были тонкими как карандаши, но подержать в руках перстень было необходимо. Говорят, чёрный турмалин улавливает луч солнца, даже если тот не светит направленно на камень, улавливает и превращает его в перекрестье холодных стрел. Турмалин был похож на глаз ворона: глубокий, бесконечно чёрный, но совершенно проглядный и ясный.

Ворон заглянул в Штильмана неторопливым взглядом. Это был вовсе не приговор и не роковое предсечение. Доктор увидел его равнодушие. Но позиция знака была заявлена, и Рудику предстояло надеяться, что Ворона что-то может сдержать.

— Для кого? — спросил чипер.

Штильман понимал, что Хлебыч уступит ход. Композитор кивнул Рудольфу Зеноновичу.

— Для меня, — сказал тот и поднял руку, — на Опровержение.

Ведущий запустил тонкие, как иглы, пальцы внутрь палисандрового ларца. Вонзился ими в коробочку с перстнем. Эта процедура почему-то особенно волновала Чиполлино. Крупье замерла в ожидании.

Старик подержал коробочку в ладони и, наконец, раскрыл.

— Сапфировый перстень! — сказал он решительно. Было заметно, как сердце Элеоноры Аркадьевны сжалось.

Сапфировый перстень — благородство ума, его чистота, мудрость, интеллектуальная порода... Сколько всего ещё можно сказать?!

Сапфир выглядел восхитительно. Инок Воля очень гордился этим камнем. Ему пришлось покупать камень последним, когда уже весь набор перстней был готов. И стоил камень уйму денег. Мадагаскар, рудник Фьянранцоя...

В глубину волшебного стекла эльфы обронули синеву своих глаз. И она занялась переливчатым светом, эта синева, гордясь тем, что именно с неё Создатель сотворил седьмую часть спектра. Именно с этого камня.

Что ж, значение перстней для зубного доктора было понятно: какая-то его собственная глупость приведёт к неприятностям. Осталось только узнать, что предполагалось изгадить. Один палец ещё оставался свободным.

В этот момент Штильман понял, почему сегодня не хотел идти на игру.

К его удивлению, Хлебич снова уступил ему ход. Может, он сегодня избрал свехосторожную тактику?

Рудольф Зенонович поднял руку на традиционный вопрос чипера.

Старик готовил ему приговор. Коробочка выплыла наружу. Теперь уже электричество нетерпеливого внимания прожигало доктора больше, чем Чиполлино.

— Пусто! — вдруг заявил ведущий. Рудик произвольно выдохнул.

— Не состоится, — сказал Инок Воля, — но будьте внимательны, мой друг, ваша мудрость может подвести вас в каком-то деле...

Гроза переместилась в центр города. Шла прямо на нас. Поздняя московская гроза с огненными всполо-

хами стремительных молний. Кто-нибудь наблюдал грозу в конце сентября?

— Подвезти? — спросил Хлебыч, когда они, стоя под козырьком подъезда в Сивцевом Вражке, разглядывали бульки в лужах.

— Пожалуй, — ответил доктор.

Его машина уже почти неделю страдала в авто-сервисе.

— Слушай, у меня завтра сложный случай. Пациент такой попался. Дентофобия, патологический страх стоматологии. Хватает меня за руку во время работы. Представляешь? А тут — про невезение...

— Не принимай это за чистую монету, — сказал композитор, — игра и только игра!

— Только игра? — вдруг, точно пробуждаясь, спросил Штильман.

Они короткими перебежками от навеса к навесу устремились к облизанному дождём композиторскому «Опелю».

МАРГАРИТА НАВАРРСКАЯ

Камни завораживали Риту. Трудно сказать, какому она отдавала предпочтение, и всё же, когда появлялся Он, Рита чувствовала, как немели её пальцы. Он назывался «Христофор Колумб». Вольдемар Иннокентьевич долго рассказывал о происхождении каждого камня в перстнях, а потом ещё и о назначении перстней. Так долго, что это невыносимо было слушать. И она не слушала, а только смотрела.

Рита поняла не сразу, что могло её так притягивать к васильковому сапфиру. Они с ним смотрели друг на друга глазами одного цвета — цвета апрельского сияющего неба.

Когда Вольдемар Иннокентьевич рассказывал о своих перстнях, вернее об их камнях, во всех подробностях и деталях, Рита точно разговаривала с каждым. Разговаривала душой, бессловесно, тем не менее достаточно эмоционально и содержательно. Только сапфир «ответил» ей, включился в это общение и прожёг в ней страсть к небесной синеве в лучистой огранке.

Я, не подумав, солгал, когда высказался, что Мишú называет Риту «Марго». Вот он-то как раз никогда её так не называл. Прозвища, которые Михаил ей предоставил под имя, звучали следующим образом: Маргарита Наваррская, Маргуля, Ритания, Рителла, Марджи, Ритэ, Маргольери и ещё с десятков. Но он никогда не называл её просто Ритой или Марго. Для сознания Миши Гальперина это было настолько

банально, что тянуло на оскорбление. Она же сама внутренним диалогом отмечала себя просто Ритой.

Миша Гальперин появился в её жизни случайно. Рита пришла с подругой на его лекцию. Точнее — пришла Аня, а Рите нечем было себя занять, и она составила Ане компанию.

— Очень импозантный молодой человек! — сказала Аня, подыграв глазами.

Рита подумала, что «молодой человек» похож на принца из книжки Шарля Перро, но только с очень заметными избытками веса и ненадёжным характером. Если точнее — его характер закалялся в пламени любви Миши к самому себе и полном равнодушии к окружающим.

Гальперин очень соответствовал выбранной теме научной беседы. Он говорил об индивидуализации сознания, об экзистенциальной романтике и ещё о чём-то подобном. Говорил пространно и чуть небрежно, но хорошей речью, правильным и красивым русским языком. На лекции присутствовали только молодые леди. Видимо, тема романтического экзистенциального недомогания привлекала только их.

Мужской оценкой своих слушательниц Гальперин не удостоил. Он смотрел на этот цветник равнодушно, без вдохновения и ответных электрических сигналов глазами. На деле же Михаил сразу заметил выразительную брюнетку с синими глазами, но не показывал это ни одним штрихом своего поведения. И только когда лекция закончилась, он сказал, обращаясь к ней:

— Сударыня, к сожалению, наука не знает иного языка, кроме научного, но тема не так скучна, как это может показаться.

Он оправдывался за то, что не мог перейти с ней на общепринятую завлекательную болтологию. Всё, ход был сделан! е2-е4.

Рита чуть заметно улыбнулась.

— Я выгляжу душой? — спросила она.

— Ой, ну что вы! — смутился Гальперин. — Я совсем не это имел в виду.

Он подумал и решился на важное добавление к своему смущению:

— Испытываю потребность загладить вину. Дадите шанс?

Рита улыбнулась. Она предоставила ему шанс, и он им воспользовался. Так они стали парой.

Она назвала его Мишú.

— Вообще-то я Михаил, — попробовал однажды воспротивиться Гальперин.

— Брось, — сказала Рита, — Михаил это тот, у кого руки волосатые до плеч и кто может любому отгрузить таких люлей, что мало не покажется. Ну какой ты Михаил?

— У тебя странная речь, — в ответ заметил Гальперин, — как у ...

— Не продолжай. Я говорю на языке своего времени. Разумеется, не во всей его полноте и красочности, но стараюсь сохранять приёмы выразительной лексики. Если эта лексика не противоречит породе, — заметила Рита. — Люди с породой не матерятся. Мат — это язык человеческого быдла и полного отсутствия породы. Но грубо сказать иногда хочется.

— Экспрессивно выразиться, — поправил бывший «Миша».

Да, она говорила на языке своего времени, хотя он ей и не нравился. Он ей совсем не подходил, и её речь иногда выглядела как протест. Рита никогда не

знала, против кого или против чего она протестует, она протестовала инстинктивно.

Возможно, в ситуации с Гальпериным она протестовала против своего выбора. Прошло два года со дня их знакомства, и этот протест уже трудно было скрыть за экспрессивной речью. Рита не могла понять, что её тогда, на лекции, привлекло в Гальперине. Должно быть, действительно порода, отличимость от мужланов, считающих себя «настоящими мужчинами», выразительность ярких манер и привычек. Но Мишú не был героем. Он не мог справиться не то, что с реальным противником, — даже со своим настроением, делая его перепады всеобщей проблемой. К тому же Рита совсем не нравилась его маме и знала об этом.

После вечера знакомства, когда Миша вернулся домой, проводив Риту до такси, мама сказала:

— Мишенька, что ты в ней нашёл? Неужели только то, что ищут все мужчины... Да, этого у неё хватает, но у неё в голове нет никакой мозги.

Рите не требовался супермен, но не в такой же степени! Символом Мишú была немощь и слабодушие. Он только казался могучим, на деле Михаил Альметьевич Гальперин на свои сорок пять лет был опустошённым как дряхлый старик. Она понимала, что общего будущего у них нет. Обветшавшая осень, случившаяся с ним так рано, не может вырабатывать гормоны счастья, а Рита, как и все романтически настроенные леди, наблюдала в своей перспективе только весну. Причём до глубокой старости.

Он обожал мамочку и являл собой классический образец женского воспитания мальчика. Очень желанного и залюбленного. Этот мальчик когда-то прикрывал женщине одиночество, и она создала его очень

чувственным, потому что слишком приблизила к своим душевным проблемам.

Но Мишú заманил Риту в игру, и это, пожалуй, было самым большим воздаянием за её компромисс.

Игры Рита не замечала, она видела только камни. Они творили своё магическое действие скорее наперекор правилам перстней, чем в согласованности с ними. Сперва это был васильковый сапфир, потом стали раскрываться и другие.

Когда сессия заканчивалась, и Рита вставала из-за стола, камни плакали в её сердце. Осознание того, что до следующей пятницы она их не увидит, робко мучило ей душу. Рите уже хотелось больше камней. Про эти она знала всё: каждую грань, каждый переливчатый оттенок цвета.

Она, конечно, так реагировала не на все: вулканическое стекло обсидиана или угольная поделка из антрацита не вызывали у неё никаких чувств, и чипер улавливал это. Он никак не мог навязать Рите собственную задачу, свою цель игры в перстни.

— Аметистовый перстень! — воскликнул ведущий.

Рита и глазом не повела.

— Голубушка, вы понимаете, что это значит? Аметистовый перстень на Опровержение, когда перстень Смерти у вас на Утверждении, а на Определении — опал?

— Понимаю, — ответила Рита, — это ничего не значит.

Её ответ вывел Вольдемара Иннокентьевича из себя.

— Зачем вы тогда сюда ходите, если не принимаете правила игры? — спросил он со всем гневом, на какой только был способен.

Рита сразу нашла что сказать, встала, но Мишú взял её за руку, и она увидела, что от душевного напряжения у него жилка выступила на лбу.

Она ничего не ответила чиперу и вернула себя в кресло.

Мишú потом имел разговор с хозяином квартиры, и тот был упрям, но неожиданно возникшая Элеонора Аркадьевна вдруг приняла самое горячее участие в разрешении конфликта. Она просто когтями выцарапала право Риты остаться за игровым столом. Вольдемар Иннокентьевич смирился, но затаил обиду.

Рита вдруг подумала, что больше никогда не увидит Его. Оторваться от такого камня, уже сблизившись с ним, будет делом сложным.

Хозяин перстней рассказывал, как он ездил за камнем на Маврикий и как на аукционе отбивал васильковый сапфир у арабов, которым камень тоже приглянулся. А тягаться с арабами в щедрости аукционного шага трудно, но Вольдемар Иннокентьевич смог это сделать. Он поднял сразу на две ставки, остался без всего, но завоевал камень.

«Христофор Колумб» попал в мировые каталоги. Камень, конечно, весил не так, как «Звезда Индии» или сапфир Логан, он не догонял каратами и сапфир Стюартов. В «Колумбе» было двадцать пять карат, но их хватало сполна, чтобы камень показал такое совершенство формы, линий, цвета и содержания, чтобы вообще не желать ничего большего.

Рита подумала, что она никогда уже не увидит Синий Простор. Так она про себя называла этот сапфир.

— Всё в порядке, деточка, — сказала Элеонора Аркадьевна, положив Рите на плечо сухую ладонь.

Мишú пытался потом, когда они ушли, заняться её воспитанием.

— Не напрягайся, милый! — ответила ему Ритуэлла. Она вдруг решила стать Ритуэлкой. — А то вдруг давление повысится. Или воспаление какое-нибудь на нервной почве высыпет на попе. Не напрягайся.

Мишú достал пачку «Ротманс» и принялся терзать её вспотевшими от волнения пальцами. Он будто и не заметил её сарказма.

— Понимаешь, перстни — это ритуал. Интеллигентным людям требуется ритуал. Мы ведь едим с помощью вилки и ножа, и салфетку кладем себе на колени. Ритуалы везде вокруг нас, но высоких, красивых ритуалов мало. Где их сейчас найдёшь? Ходить в подпольное казино? Но это всего лишь азарт вокруг рулетки. Камни — совсем другое. Я даже не смогу объяснить, что в них так привораживает.

Рита отпустила от себя протест и мягко улыбнулась другу. Она больше не хотела быть Ритуэлкой. Это имя слишком созвучило со словом «ритуал». Особенно — с ритуалом известной похоронной фирмы.

— А вместе мы... — продолжил Мишú.

— А вместе мы — сила? — перехватила мысль Рита. — Вместе нам никакие Антрацитовые перстни не страшны!

Мишú вздохнул и убрал сигареты в карман. Ему сложно было признаться в том, что женщина оказалась права. Рядом с ней Антрацитовый перстень действительно выглядел не так фатально, не обладал такой силой над впечатлениями и переживаниями «домашнего мальчика» Миши Гальперина.

Рита писала романы. Первый её роман «Вонючий рыцарь на грязном коне» сразу возымел успех у некоторой части общества. У потерянного женского племени, коего, как известно, большинство.

Второй роман — «Свекровь по прозвищу "стерва"» только закрепил успех, и посадил читателя Риты на ожидание. Теперь она готовила третью вещь. Но попав на игры клуба, Рита стала терять форму, натиск её протестного женского самовыражения заметно ослаб. Она поддалась очарованию камней, и это спасло тысячи новоявленных поклонниц молодой писательницы от душевных истязаний.

Штильман ожидал трудного пациента. Часы уже показали пятнадцать. Последний час дня. Четыре часа уже называют вечером, даже если он случается летом и до настоящего вечера ещё долго-долго. Но сейчас была осень, и начало шестнадцатого часа уходило за окном в грустную акварель первых сумерек. Так рисует шизофреник тестовую картинку для психиатра. Всё мрачно, хаотично, депрессивно...

Телефон звуков не издавал, и в дверь кабинета никто не стучал робким согнутым пальчиком.

Такое в практике Рудольфа Зеноновича было не впервые — люди по разным причинам отказывались от приёма, но он уже начал лечение, положил этому пациенту пасту гидроксида кальция, и сегодня требовалось установить пломбу, и вот...

Конечно, Штильман не стал связывать происшедшее с выпавшими вчера перстнями. Ему такое даже в голову не пришло.